

Сведения об авторе

Ушаков Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: v.usakov@spbu.ru

ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ В ОПИСАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Резюме

В статье на основе писем, дневниковых записей и воспоминаний современников и участников Первой мировой войны изучена их реакция на начало войны и вступление в нее Российской империи. В работе рассмотрена и реакция современников на поступающие с фронтов сообщения о ходе вооруженной борьбы, а также приведены высказывания участников военных действий. В статье учтено, что эти современники в разных объемах получали информацию о происходивших событиях, их значимости и возможных последствиях. Соответственно, они с разных позиций могли судить о наступлении обусловленных войной важных перемен в жизни общества, либо отдельных групп населения, семей или лиц. Однако в ходе исследования установлено сходное для всех современников той войны явление. Суть его в том, что в условиях нарастающей военной угрозы и по ходу разрушительных военных действий и истощения воюющих сторон в сознании участников и современников, в их восприятии текущих событий и возможных перспектив наступали перемены. Кто раньше, а кто позднее, люди в разной мере проникались осознанием трагизма складывавшейся ситуации, губительности войны как для общества и государства в целом, так и для этого человека и его родных, близких и друзей. А о распространении таких перемен в сознании отдельных лиц и в общественном мнении можно будет судить лишь по ходу дальнейших исследований и с обязательным привлечением новых исторических материалов.

Ключевые слова: Россия, Санкт-Петербург, Первая мировая война, революция, Романовы, Палеолог.

Information about the author

Ushakov Vladimir Alexandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of History, Saint-Petersburg State University, the Chair of Modern and Contemporary history, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: v.ushakov@spbu.ru

**RUSSIA'S ENTRY INTO THE FIRST WORLD WAR
IN THE DESCRIPTIONS BY CONTEMPORARIES**

Abstract

This article is based on the letters, diaries and memories of the people of the First World War, and their reaction on the beginning of the War and the entry of the Russian Empire is studied. Also reaction of the contemporaries on the reports on military struggle coming from the front is being studied. The article contains some comments uttered by the participants of the war. It is considered in this article that all that people possessed different pieces of information about the current events, their meaning and possible consequences. Thus they took different points of view when they saw all the important changes in the life of the society, groups, families and persons caused by the war. However, in the course of the research a similar phenomenon was discovered for all contemporaries: being under growing threat of war, experiencing disastrous warfare and depleting of warring parties participants and contemporaries showed shifts in their conscious, perception of events and possible chances. At different scale yet all people perceived the whole-scale tragedy of shaping situation, of war's fatality for society and state in general, and for a person, their relatives and friends in particular. Further research backed up by new sources of historical materials can give grounds for understanding the amplification of such changes in minds of particular persons.

Keywords: Russia, Saint Petersburg, the First World War, revolution, the Romanovs, Palaeologus.

По установившемуся на Руси порядку к значимым событиям в истории обычно общественность обращает повышенное внимание при приближении круглых дат. Исключением не стала и 100-летняя годовщина начала Первой мировой (или Империалистической) войны, о которой в растущих объемах в свет выходит самая разнообразная печатная продукция. То могут быть солидные научные монографии и коллективные труды, либо публикации документов и прочих материалов, оставленных участниками и современниками войны. Их формат широк — от пухлых томов и до статей в научной периодике или даже в газетах и литературных журналах. Но объем и характер издания не всегда определяет значение материалов и порой изданные малым тиражом работы или краткие «вещицы» ценны, как отзвуки далекой эпохи. В последнее время в Санкт-Петербурге появились подобные интересные публикации, дополнительно проливающие свет непосредственно и на события предвоенной и военной поры, и на восприятие этих событий их современниками. Случайно попавшие в поле зрения автора такие материалы и послужили основой данной статьи.

Исследовательская литература подтверждает, что с начала XX в. европейские державы не раз стояли на пороге войны и масштабные дипломатические и военные конфликты в Африке, в Средиземноморье и на Балканах держали общественность в напряжении. Пресса широко освещала эти столкновения, как и то, что во многих странах власти быстро увеличивали военные расходы, наращивали вооруженные силы и огромные арсеналы. На случай грядущей «большой» войны активно разрабатывали и планы военных кампаний, а также детальные мобилизационные проекты, которые затрагивали многие десятки, сотни тысяч и даже миллионы европейцев. В Российской империи, например, уже с 1912 г. действовало положение «О подготовительном к войне периоде», согласно которому и в отстоявшем от возможной линии фронта на тысячу верст (т. е. в глубоком тылу) Санкт-Петербурге многочисленные стратегические объекты, включая государственные и частные учреждения, банки и сберкассы, почтовые отделения, водопровод и разные склады, мосты через Неву, распределялись — одни под охрану столичной поли-

ции, другие — армейских частей¹. Казалось бы, в таких условиях, когда столь масштабные и откровенные приготовления уже утрачивали секретность и многие современники в соответствии со служебным долгом, профессиональной принадлежностью или в силу других обстоятельств были вовлечены в «вихрь» подготовки к вероятной «большой» войне, не оставалось более «слепых» и «глухих», не обращающих хотя бы минимального внимания на растущую военную опасность, а соответственно и не задумывавшихся над теми возможными бедами, угрозами и страданиями, которые могли обрушиться как на побежденных, так и на победителей.

Знакомство с дневниковыми записями и иными материалами современников и участников Первой мировой войны все же показало, что значительная часть из них из-за отвлеченности на повседневные заботы, на решение личных дел или по другим причинам, вовсе не задумывалась о суровой правде войны и своем возможном в ней участии. Чувства опасности и страха перед грядущими потрясениями либо притупились, а у кого-то еще и вовсе не проснулись. Ведь часто верх брали патриотические настроения и эмоции, вызванные убежденностью в правом деле Святой Руси, верой в несокрушимую мощь отечества, другими благими мыслями и намерениями, либо тщеславными желаниями и расчетами. Именно в таком ключе и вел дневниковые записи В. К. Абрамов, выдержки из которых и опубликовал в номерах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 2014 г. его внук — историк В. Абрамов².

В. К. Абрамов перед войной занимал пост начальника почтового отделения на Карельском перешейке вблизи границы с Финляндией. Вскоре после объявления войны он «без особых размышлений» решил «добровольно идти на фронт, как и его братья, Федор и Владимир». И эти патриотические настроения были свойственны всей семье, так как — «на фронт убежал и младший из братьев Иван» — тогда еще «ученик старшего класса реального училища». А в сентябре 1914 г. В. К. Абрамов был назначен «начальником 215-го полевого этапного почтово-телеграфного отделения» и начал формировать «свою маленькую часть». В. К. Абрамов «получил военную форму, револьвер, шашку, знаки отличия» и «по его

¹*Румянцев А.* Как Петербург готовился к войне // Санкт-Петербургские ведомости. 11.04.2014. № 14 (1296). С. 5.

²*Абрамов В.* 1) «Звуки гимна заполняют все...» // Санкт-Петербургские ведомости. 28.03.2014. № 12 (1294). С. 5; 2) Добровольно на фронт // Санкт-Петербургские ведомости. 04.07.2014. С. 5; 3) Мы русские, мы нужны родине // Санкт-Петербургские ведомости. 25.07.2014. № 28 (1310). С. 5.

словам, ему было приятно ходить по городу (Петрограду — В. У) и козырять старшим чинам, желанным гостем он был и у знакомых»³.

Как видим, настроение Василия Кузмича Абрамова было приподнято-праздничным. И по-деловому четко, именно в этих тонах он в дневнике и написал о начале войны и переживаниях, охвативших многих его современников в Санкт-Петербурге. Эти записи гласили:

«16.7.1914 г. получена телеграмма от начальника округа — приготовиться к мобилизации. Газеты сообщают, что Германия стягивает войска к нашей территории и на границу с Францией.

17.7. Ночью меня разбудили, получена телеграмма о мобилизации флота. Из Петербуга она пришла через 15 минут после начала передачи. В 6.45 дня (так в тексте. — В. А.) получена телеграмма об общей мобилизации, разослал ее по местам назначения.

20.7. Сегодня в 1 час. 45 мин. получена телеграмма: Германия нам объявила войну. Разослал ее по назначению. Лошади стоят запряженные на случай мобилизационных депеш, ящики сидят в одежде.

21.7. Был на призывном участке, чухны (так называли финнов под Петербургом. — В. А.) явились охотно. Уклонившихся ни одного нет. Мобилизация проходит прекрасно. Родственники провожают своих сынов и мужей без слез. Рабочие заявили, что сейчас не время сводить счеты с предпринимателями, Отечество в опасности, потому надо всем объединиться против общего врага».

Далее, историк В. Абрамов замечает: «судя по дневникам деда, в эти дни россияне проявляли патриотизм и верноподданнические чувства. Вот что дед записал тогда: “Да поможет Господь Славянству! Вильгельм забыл завет Бисмарка, и думает уничтожить славянство, потопить его морем немцев. Что ж, пусть попробует. Россия видела татар, видела орды Литвы, боролась со шведами, угощала в Москве Наполеона, не ударит лицом в грязь и перед Вильгельмом, воображающим себя Наполеоном”»⁴.

Публикатор дневниковых записей В. К. Абрамова привел весьма интересные выдержки, иллюстрирующие небывалый взлет патриотических и верноподданнических настроений в Санкт-Петербурге. 30 июля 1914 г. В. К. Абрамов был на Невском проспекте в районе Николаевского вокзала и следующим образом зафиксировал увиденное: «Масса добровольцев сотнями и тысячами идут записываться к воинским начальникам. Рядом с беззусым приказчиком из магазина шагает ветеран с Георгием, еще даль-

³Абрамов В. Добровольно на фронт. С. 5.

⁴Абрамов В. «Звуки гимна заполняют все...» С. 5.

ше студент и молодой босяк в овчинном полушубке, дальше — несколько гимназистов. У всех в петлицах значки запаса — добровольцев. Публика приветствует их.

Крики “ура” разливаются по улицам. Вот где-то запели гимн, торжественные звуки подхватывает толпа. Запасные, сняв шапки, подтягивают. Звуки гимна заполняют все, кажется, что поет громада старых домов, поет это свежее, прекрасное лето. Над толпой мелькают улыбающиеся лица добровольцев, поднятых на воздух сотнями рук. Молодой офицерик, взлетает на воздух, поднятый солдатами запаса.

Какой-то старичок пробовал сказать речь, но только успел выговорить: “Братья! Сражаясь с турками за свободу славян, я не думал, что доживу до того славного момента, когда славянству придется столкнуться с немцами”. Затем он заплакал и махнул рукой. Громовое “ура” — и старичок подхвачен толпой на руки. В воздухе мелькают его седые волосы, медали и ордена. Какая-то пожилая дама, сняв с шеи крест, надевает его на студента-добровольца...»⁵.

По мнению историка В. Абрамова «такие демонстрации, начавшиеся в первые дни войны, объяснялись не только патриотизмом, но и надеждой, что война будет недолгой и победоносной для России, что она решит многие противоречия и проблемы, накопившиеся в стране. Увы, — заключил свою мысль современный историк, — это было наивно, иллюзорно и глубоко ложно. Война не только не способствовала их решению, но и привела российское общество к революции, распаду Российской империи и Гражданской войне». Однако для участника войны В. К. Абрамова, если судить по материалам его дневника, прозрение наступило спустя долгое время. Тот, со слов его внука-историка, хотя и «не воевал в окопах, ибо был военным чиновником и возглавлял военно-полевую почту, которая была обычно в ближайшем тылу. Но и это, — записал историк В. Абрамов, — дало ему (В. К. Абрамову. — В. У.) возможность видеть и чувствовать войну без всяких прикрас. Что он и отразил в своих подробных дневниках, которые в виде толстых тетрадок дошли до меня»⁶.

А эти толстые тетрадки, вероятно, почти все военные годы не содержали сколь-либо серьезных упреков в адрес самодержавной власти и ее представителей («во всяком случае, о таковых историк В. Абрамов не сообщил). Наоборот, современный ученый привел позитивные сведения о «Брусиловском прорыве» и огромном воодушевлении в рядах военных

⁵Там же.

⁶Там же.

летом 1916 г. («Настроение в армии прекрасное») и заметил: «характерно, что Василий Кузмич в дневнике не высказывается негативно по отношению к высшему руководству. Главкомандующего великого князя Николая Николаевича он называет “любимцем армии”»⁷.

Такое положение удивляет, ибо к этому члену императорской фамилии современники относились не однозначно, а многие его критиковали и серьезно порицали. К числу недовольных со временем должен был бы примкнуть и В. К. Абрамов. Ведь по социальному происхождению (служащий, у которого мать «служила кухаркой <...> у адвоката М. И. Евневича на Кронштадском проспекте» в Петербурге), образованию, характеру службы и служебному положению, да и жизненному опыту и политическим симпатиям («после 1905 года он посещал революционный эсеровский кружок») ⁸ В. К. Абрамов вполне мог бы занимать определенные позиции. Однако в жизни не все оказывается так просто и однозначно. Но рано или поздно, современники и участники кровавых событий начинали «прозревать и, если не предвидеть заранее все беды, то хотя бы все более размышляли не только о парадной стороне войны, патриотизме и воинском долге и славе, но и о тяготах, потерях и рисках военного лихолетья. Собственно к этому подходил и В. К. Абрамов. Февральскую революцию, сообщил современный историк, «дед встретил с восторгом, но одновременно понимал, что в этих условиях дело Российского государства незавидно. Он образно записал: “Судно дало трещину и гибнет в волнах. Всех наверх! На подмогу! Будет буря, но мы поспорим и поборемся с ней”». В это время, по сведениям историка, «дед с частями стоял в Румынии. Как и в России, здесь наступала анархия»⁹. Таким образом, тяготы, разруха и жертвы — вечные спутники войны, выступали суровым учителем для участников и современников порядком затянувшейся общеевропейской, а затем и мировой империалистической бойни.

Можно отметить, что патриотические настроения и порывы, а также отчасти и отрезвление, которые демонстрировал по ходу войны В. К. Абрамов, разделяли и многие другие россияне, поступавшие на военную службу, или проходившие обучение на курсах по подготовке офицеров для действующей армии. Так, по словам В. Саблина (публикатора материалов из семейного архива), и старший из сыновей небогатой петербургской семьи Кусковых — Михаил в начале войны «гордо сто-

⁷Абрамов В. Мы русские, мы нужны родине. С. 5.

⁸Абрамов В. Добровольно на фронт. С. 5.

⁹Абрамов В. Мы русские, мы нужны родине. С. 5.

ит в фотоателье в форме прапорщика» в окружении друзей и родных. «Спокойно смотрящий в будущее <...> знал ли он, что ждет его и его страну» — задавался вопросом В. Саблин. И в той же газетной статье публикатор сообщал о судьбе своего двоюродного деда: «вихрь революций, сметая все, обрывает тонкий ручеек писем, связывавший молодого офицера с его семьей в Петрограде». Согласно семейным рассказам, М. Кусков принял революцию и воевал на стороне красных, «но с войны Михаил так и не вернулся: он умер на фронте от тифа»¹⁰.

Быстрее, а порой и стремительно к осознанию мрачных реалий войны подходили другие россияне — ее современники или участники. В публикации воспоминаний рода Лукницких зафиксировано то архисложное положение, в котором оказались военный инженер Николай Николаевич Лукницкий и его супруга Евгения Павловна Лукницкая (урожд. Бобровская) летом 1914 г. Война застала их соответственно — первого в Санкт-Петербурге, а его супругу и детей во Франции, в Ульгате, на побережье Ла-Манша. «Я, — записал военный инженер, — никак не мог с ними связаться и послать им деньги. Единственное, что я мог сделать, — это дать трем резервистам-французам на Варшавском вокзале, отъезжающим во Францию, по конверту с вложенными в каждый по 100 руб. с просьбой переслать эти деньги в русское посольство». А «жена была вынуждена отдать хозяйке отеля свои драгоценности в уплату за содержание. Поехала в Париж к нашему военному атташе и от него получила заимообразно 1000 франков. На эти деньги она купила билеты на последний пароход, шедший из Марселя через Константинополь и Одессу. На остаток денег от билетов она перевезла семью через Францию в Марсель. Ехали они целый месяц и только в конце сентября вернулись в Петербург. Здесь жене сделали операцию (доктор Якобсон)». Далее военный инженер записал: «Вскоре я уехал на фронт. Начался новый этап моей жизни»¹¹.

Сухие строки воспоминаний Н. Н. Лукницкого не раскрыли все то напряжение и угрожающее положение, в котором оказалась его семья в начале войны. Записи супруги гораздо более ярко и эмоционально передавали драматизм возникшей ситуации. Она кратко перечислила тот шквал событий, обрушившихся на россиян за рубежом («известие об объявлении Австрией войны Сербии и мобилизация в России»), прекра-

¹⁰Саблин В. Письма с Кавказского фронта // Санкт-Петербургские ведомости. 18.07.2014. № 27 (1309). С. 5.

¹¹Перекрестки судеб. Воспоминания Лукницких / Сост. В. А. Лукницкий. Научный редактор Т. Е. Сохор. М.; СПб., 2014. С. 94.

щение телеграфных и телефонных сообщений между Англией и Швецией, запрет на железнодорожное и автомобильное движение через территорию Германии, убийство во Франции главы социалистов Жореса). Поэтому-то Е. П. Лукницкая записала: «Живем в горячке! На вокзал бегаем к каждому поезду, рвем из рук пассажиров газеты, спрашиваем новости и сходим с ума. Обезумевшая от известия, что не получу из России денег, я бегу на телеграф, посылаю Коле телеграмму, чтобы, немедля, телеграфом перевел деньги, чтобы я могла хоть оставшимся путем через Средиземное море вернуться <...> Слезы душат меня, бегу по улице, как будто ошалелая, плачу навзрыд <...> Конечно, выхода нет, война неизбежна! <...> Какой ужас, во Франции мобилизация! Призваны все <...>. Я хожу, — повторяла Е. П. Лукницкая, — вернее, мечусь, как помешенная, то рыдаю, то стихаю, ничего не видя, ничего не соображая, потому снова плачу и безумствую. Родные детишки тоже взволнованы, притихли и стараются меня утешить. Но что может меня утешить? — задавала вопрос эта несчастная женщина, — Ведь я, — отвечала она же, — оторвана от своего бедного мужа, от всей России и от всех родных и близких! Одна, одна в чудесной стране и в такие ужасные минуты. Колюшка, мой милый, бедный, дорогой!» — восклицала Е. П. Лукницкая и далее она же записала: «Ночь спать не могу, слезы душат меня, страшные картины встают перед глазами, одна ужасней другой, тоска шемит и гнетет, все болит, рассудок как будто мутиться. Если бы не дети, — утверждала несчастная, — не стала бы больше томиться и ждать дальнейших ужасов, пустила бы пулю в лоб <...> Кто знает, быть может придется еще грудью защищать своих детей или спасти их как-нибудь от голода. Для них еще нужна я и ради них должна снести еще многие ужасы»¹².

После долгих мытарств, в ходе 32-х дневного путешествия через «Париж, Марсель, Грецию, Салоники, Пирей, Мальту, Константинополь», мать с детьми вернулась в Одессу, а оттуда в Петербург. Правда, она записала, что «в Дарданеллах шли среди подводных мин», но то были уже частности. Семья воссоединилась, чтобы на время разойтись: муж «уехал в Варшаву на фронт», а супруга стала сестрой милосердия¹³. Чета Лукницких честно защищала родину, приближая завершение войны, как могла, но, вполне вероятно, они уже в начале военной истерии, в те роковые первые дни и недели войны осознавали ее отвратительную обратную сторону, вдоволь погрузившись в ее тяготы и страхи.

¹²Там же. С. 219–220.

¹³Там же. С. 220–221.

На этом сюжете вполне можно было бы завершить рассказ о вступлении России в мировую войну и тех переживаниях, тяжелых испытаниях, ужасах и метаморфозах, которые выпали на долю ее участников и современников и которые они столь ярко и подробно фиксировали в своих письмах, дневниках и воспоминаниях. Все же повествование будет не полным, если из числа современников не выделить и не рассказать о тех из них, кто в силу своего социального и служебного положения достаточно ясно отдавали себе отчет о происходивших событиях, и осознавали риски и угрозы от вполне возможной катастрофы, грозившей воюющим сторонам. А в нашем случае, это будет Российская держава, о нелегкой и трагичной судьбе которой с началом войны в своих записях пока еще теоретически рассуждали эти информированные и прозорливые люди.

Вероятно одним из них был глава ветви Михайловичей — великий князь Николай Михайлович «считавший себя специалистом по части дипломатии и склонявшийся к позиции мирного урегулирования международных конфликтов». Взгляды великого князя на события Первой мировой войны отражали его дневниковые записи за 27 июля — 17 октября 1914 г. и его письма к французскому историку Ф. Массону. Личность великого князя и эти материалы попали в поле зрения современной российской исследовательницы Е. Е. Петровой, которая подготовила и недавно опубликовала весьма емкую и содержательную статью с характеристикой и личности, и позиции этого члена императорской фамилии в России¹⁴. Основываясь на достижениях современного историка, равно как и высказывая свои суждения, постараемся отследить и оценить перемены в восприятии реалий и перспектив военной поры со стороны этого Романова.

Тема грядущей войны появилась в письмах великого князя летом 1914 г. Он все более осознавал угрозу приближавшейся войны, хотя и не был еще уверен в ее неотвратимости. Тогда великий князь фиксировал нарастание патриотических настроений населения Российской империи «от Петербурга до Тифлиса и от Москвы до Ташкента». «Все, — заявлял Николай Михайлович, — выступают за военные действия. И нигде нет ни одного признака недовольства, вплоть до сегодняшнего момента». Великий князь писал: «общий подъем духа, уверенность в победе» и считал, что «война с немцами популярна», но тогда же он задавался вопросом «надолго ли хватит такое настроение?» Николай Михайлович поддержал решение властей России вступить в войну, но вскоре в его сообщениях

¹⁴*Петрова Е. Е.* Начало Первой мировой войны глазами великого князя Николая Михайловича // Клио. 2014. № 8 (92). С. 118–122.

из действующей армии «мысли о патриотизме постепенно сменяются размышлениями о тяготах войны и варварстве немцев». Оценивая возможные условия и обстоятельства, обуславливавшие затягивание войны, великий князь заявлял о глубоком страдании и отчаянии, которые у него вызывали такие перспективы. На этого представителя фамилии Романовых гнетущее впечатление оказало поражение русской армии в Восточной Пруссии в 1914 г. В записях Николая Михайловича появилась весьма необычная фраза — она выглядела так: «К чему затеяли эту убийственную войну, каковы будут ее конечные результаты? Однако для меня ясно, — писал князь, — что во всех странах произойдут громадные перевороты, мне мнится конец многих монархий и триумф всемирного социализма». Столь необычная для представителя царственной семьи фраза вызвала у исследовательницы литературно-исторического наследия великого князя доцента Е. Е. Петровой серьезные сомнения относительно появления такого прогноза. Ученый записала следующее: этот текст «с большой долей уверенности может считаться более поздней припиской великого князя. Если не уверенность то предположение о длительности военных действий в 1914 г. у великого князя действительно были, но мысли о возможных революциях у него тогда вряд ли могли возникнуть»¹⁵.

Что же по этому случаю можно высказать? Если соглашаться с мнением современного исследователя Е. Е. Петровой о времени и обстоятельствах появления великокняжеского прогноза революционных взрывов и перемен, то в таком варианте желательно было бы получить убедительнейшие доказательства в поддержку ее суждения. А в рамках статьи таких убедительных и обильных доказательств не представлено, и без них оценка историка выглядит как мнение, полностью не уничтожающее, пусть малую, но вероятность какого-то озарения или всплеска прозорливости и наличия пророческих качеств у одного из представителей совсем не лишнего талантов и разума рода Романовых. Тем более что в XX в. и даже ранее, Романовы и прочие «хозяева» земли русской уже хорошо познали и революции, и революционный террор. И дополнительно, в подтверждение возможности великого князя предугадывать нелегкую судьбу отечества, можно привести и прогнозы другого современника и участника событий в России — посла союзной Франции М. Палеолога. Этот опытный дипломат с началом войны также высказывал опасения о возможных революционных потрясениях, которые в истории Российской

¹⁵Там же. С. 119–120.

империи с завидной регулярностью выступали следствием «большой» войны¹⁶.

Таким образом, знакомство с приведенными здесь случайно попавшими в поле зрения автора работы материалами, анализ писем и записей раскрыл, вряд ли универсальное и безусловное, но все же вполне определенное и может быть и закономерное явление. Суть его в том, что в условиях нарастающей военной угрозы и по ходу разрушительных военных действий и истощения воюющих сторон в сознании участников и современников войны, в их восприятии текущих событий и возможных перспектив, наступали и усиливались перемены. Кто раньше, а кто позднее, в разной мере проникались осознанием трагизма складывавшейся ситуации, губительности войны как для общества и государства в целом, так и для этого человека и его родных, близких и друзей. А о степени распространенности таких перемен в сознании отдельных лиц и в общественном мнении можно будет судить лишь по ходу дальнейших исследований и с обязательным привлечением новых исторических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов В. Добровольно на фронт // Санкт-Петербургские ведомости. 4.07.2014. № 25 (1307). С. 5.

Абрамов В. «Звуки гимна заполняют все...» // Санкт-Петербургские ведомости. 28.03.2014. № 12 (1294). С. 5.

Абрамов В. Мы русские, мы нужны родине // Санкт-Петербургские ведомости. 25.07.2014. № 28 (1310). С. 5.

Палеолог Морис. Дневник посла / Под общ. ред. И. В. Захарова. М.: Захаров, 2003. 829 с.

Перекрестки судеб. Воспоминания Лукницких / Сост. В. А. Лукницкий. Научный редактор Т. Е. Сохор. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. 496 с.

Петрова Елена Евгеньевна. Начало Первой мировой войны глазами великого князя Николая Михайловича // Клио. 2014. № 8 (92). С. 118–122.

Румянцев А. Как. Петербург готовился к войне // Санкт-Петербургские ведомости. 11.04.2014. № 14(1296). С. 5.

Саблин В. Письма с Кавказского фронта // Санкт-Петербургские ведомости. 18.07.2014. № 27 (1309). С. 5.

¹⁶*Палеолог М.* Дневник посла / Под общ. ред. И. В. Захарова. М., 2003. С. 69.

REFERENCES

Abramov, V. Dobrovol'no na front [As a Volunteer for Front], in *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 4.07.2014. N 25 (1307). P. 5. (in Russian).

Abramov, V. «Zvuki gimna zapoloyajut vse...» [Sounds of National Hymn Packes All Over], in *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 28.03.2014. N 12 (1294). P. 5. (in Russian).

Abramov, V. My russkie, my nyny rodine [We are Russians, we are Necessary for Motherland], in *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 25.07.2014. N 28 (1310). P. 5 (in Russian).

Palaeologus Moris. *Dnevnik posla [Ambassador's Diary]* / Pod obshh. red. I. V. Zakharov. Moscow: Zakharov, 2003. 829 P. (in Russian).

Perekrestki sudeb. Vospominaniya sem'i Luknickih [Crossroads of Fates. Memories of Luknickij's Family] / Sost. V. A. Luknickij. Nauchny redaktor T. E. Sohor. Moscow; Sankt-Peterburg: Alijns-Arheo, 2014. 496 P. (in Russian).

Petrova, Elena Evgen'na. Nachalo Pervoj mirovoj vojny glazami velikogo knijzij Nikolaj Mihajilovicha [The Beginnings of the First World War by Eyes of Grand Duke of Nickolay Michaylovich], in *Klio*. 2014. N 8 (92). P. 118–122. (in Russian).

Rumijncev, A. Kak Peterburg gotovilsij k vojne [How Petersburg was Prepared for the War], in *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 11.04.2014. N 14 (1296). P. 5. (in Russian).

Sablin V. Pis'ma s Kavkazckogo fronta [Letters from the Caucasus Front], in *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 13.07.2014. N 27 (1309). P. 5. (in Russian).